

- [О воскресении мертвых](#)
  - [Примечания](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

О воскресении мертвых

1. Ко всякому положению и учению, выражающему истину вещей, прирастает нечто ложное, прирастает не потому, чтоб это естественно развивалось из какого-либо начала, или от какой-либо причины, свойственной каждой вещи, но оно привносится теми, которые нарочито измышляют зловерное семя для искажения истины. В этом можно убедиться, во-первых, из примера тех, которые в древности занимались философскими исследованиями, из взаимного разногласия их как с древнейшими, так и с современными им, а также из самой путаницы относительно ныне занимающих вопросов. Такие люди ни одной истины не оставили не оклеветанною: ни существа Божия, ни Его ведения, ни деятельности, ни всего того, что необходимо с сим связано и предписывает нам образ благочестия. Одни совершенно и решительно отвергают истину в этих предметах, другие извращают их по своим воззрениям, а иные стараются подвергнуть сомнению самое очевидное. Посему, я думаю, тот, кто занимается исследованием этих предметов, должен иметь двоякого рода доказательства: одни (непрямые) — в защиту истины, а другие (прямые) в подтверждение истины, одни в защиту истины против неверующих или сомневающихся, а другие в подтверждение истины для благомыслящих, и охотно принимающих истину. Поэтому, желающие рассуждать об этих предметах должны всегда иметь в виду, что именно нужно в тот или другой раз, и с сим сообразовать свои доказательства, и самый порядок раскрытия их приспособлять к потребности, а не пренебрегать тою или другою нуждою, тем или другим местом, свойственным каждому предмету для того, чтобы казаться выдерживающими всегда одно и то же начало. Конечно, в отношении к доказыванию и естественной последовательности, доказательства прямые, подтверждающая истину, должны предшествовать доказательствам непрямым, защищающим истину; но что касается большей пользы тех или других доказательств, то наоборот, непрямые должны предшествовать доказательствам прямым. Так и земледелец не может с пользою бросать в землю семена, если наперед не очистит ее от трав диких и вредных для бросаемых добрых семян; ни врач не может впускать в больное тело какое-нибудь из целительных веществ, если наперед не очистит его от находящейся в нем злокачественной материи или не удержит ее притока. Так и желающий учить истине, говоря об истине, не можем убедить никого, пока какое-нибудь ложное мнение господствует в уме слушателей и противится словам его. Посему, имея в виду большую пользу, и мы иногда излагаем доказательства истины непрямые прежде тех, которые прямо подтверждают истину. Таким же образом поступить я нахожу небезпольным и теперь в рассуждении о воскресении, обращая внимание на потребность. Ибо и касательно этого предмета одни совершенно не веруют, другие сомневаются, и из тех, которые принимают первые основания, некоторые колеблются умом подобно сомневающимся и что всего безрассуднее, они находятся в таком состоянии, не имея никакого повода к неверию в самой сущности дела, и не находя сказать никакой основательной причины, почему они не веруют или колеблются.

2. Будем рассуждать так. Бесспорно, что не всякое неверие бывает у некоторых без основания и по безрассудному предубеждению, но иногда происходит от основательной причины и осторожности в изыскании истины: оно имеет справедливое основание, когда самый предмет, которому не веруют, представляется невероятным; но не верить тому, что само не есть невероятно, свойственно людям, не имеющим здравого суждения относительно истины. Итак, те, которые не веруют или сомневаются касательно воскресения, должны не по тому, что кажется им без всякого рассуждения и что нравится людям развратным, произносить о нем суждение, но или допустить происхождение людей без всякой причины, — а это весьма легко

опровергнуть, — или полагая причину существующего в Боге, смотреть на этот догмат как на начало, и из него доказывать, что воскресение не имеет никакой вероятности. А это они сделают, если будут в состоянии доказать, что Бог или не может или не хочет — тела мертвые или совершенно уже разрушившиеся опять соединить и собрать так, чтобы вышли те же самые люди. Если же они это не могут, то пусть отстанут от такого безбожного неверия и не кощунствуют над тем, над чем не должно. Ибо утверждают ли они, что Бог не может, или что Он не хочет этого, — в том и другом случае они говорят неправду, как видно будет из нижеследующего. Невозможным для кого-нибудь справедливо признается дело, если он или не знает, как его сделать, или не имеет достаточной силы хорошо исполнить то, что знает. Ибо незнающий того, что должно быть сделано, не может и предпринять и исполнить того, чего не знает, а хорошо знающий то, что должно сделать, из чего и как сделать, но или вовсе не имеющий силы совершить знаемое, или не имеющий достаточной силы, и не начнет дела, если он благоразумен и внимателен к своим силам; приступив же необдуманно, не окончит предположенного. Но Бог не может не знать природы имеющих воскреснуть тел, целых ли членов или их частей, не может не знать, куда поступает каждая частица по разрушении тел и какая из стихий приняла каждую частицу, разрушившуюся и соединившуюся с сродным себе, хотя для людей совершенно неуловимы частицы тел опять соединившиеся с сродными себе частями вселенной. Ибо Тот, Который прежде устройства каждой вещи знал природу будущих стихий, из которых должны произойти тела человеческие, и те части их, из которых Он намеревался взять пригодное для устройства тела человеческого, — Тот, очевидно, и после разрушения целого тела не может не знать, куда поступила каждая из частиц, которые Он употребил для полного образования каждого тела. Что касается до господствующего теперь у нас порядка вещей и до нашего суждения о прочем, — нам труднее наперед знать то, чего еще нет, но для величия Божия и Его премудрости то и другое естественно и одинаково легко — наперед знать несуществующее и знать разрушившееся.

3. Что могущество Божие достаточно для воскрешения тел, это доказывает самое происхождение их. Ибо если Бог в первоначальном творении создал несуществовавшие тела человеческие и самые начала их, то Он и разрушившиеся каким-либо образом воскресит с такою же легкостью, так для Него и это равно возможно. Такому учению нисколько не вредит то, будет ли кто производить первые начала тел человеческих из вещества или из стихий, как первоначальных основ, или из семян. Ибо какой силе свойственно было образовать вещество, по их мнению, безобразное, украсить безвидное и неустроенное многими и различными формами, части стихий соединить в одно, и семя единое и простое разделить на многое, расчленив бесчленное и дать жизнь безжизненному: той же самой силе свойственно соединить разрушившееся, воздвигнуть лежащее, опять оживотворить умершее и тленное изменить в нетлении. Тому же Творцу и той же силе и премудрости свойственно и то, что расхищено множеством разных животных, обыкновенно нападающих на такие тела и питающихся ими, извлечь из них и присоединить опять к собственным членам и их составам, хотя бы оно поступило в одно животное, хотя бы во многие, хотя бы из них в другие, хотя бы вместе с ними разрушившись обратилось в первые начала по естественному на них разложению: это последнее особенно, повидимому, смущает некоторых даже и из отличающихся мудростию, которым, не знаю почему, казались сильными такая недоумения, представляемая толпою.

4. Обыкновенно говорят, что многие тела погибших при кораблекрушениях и в реках делаются пищею рыб, также многие тела умирающих на войне, или по другой какой-нибудь горестной причине и несчастью лишаящихся погребения, пожираются встречными животными. Когда таким образом тела истребятся и составляющие их части и члены распределятся по многим животным, и посредством питания соединятся с телами питающихся:

то, во-первых, говорят, невозможно их отделение, и к тому во-вторых, присоединяют еще более затруднительное. Так как из животных, напитавшихся телами человеческими, некоторые годны в пищу людям и проходя чрез их чрево соединяются с телами потребивших их, то по необходимости части людей, которые сделались пищею принявших их животных, поступают в тела других людей, так как напитавшиеся ими животные препровождают принятую пищу к тем людям, для которых сами они послужили пищею. Далее трагически говорят о детях, которых родители вследствие голода или бешенства решились пожрать, также о детях, съеденных родителями по козням врагов, об известной мидийской трапезе¹, о трагических вечерах Фиеста, и приводят другие подобные несчастные случаи, происходившие у еллинов и варваров. Этим доказывают, как они думают, невозможность воскресения, так как невозможно, чтобы одни и те же части воскресали вместе с теми и другими телами, — но или тела первых из них не могут составиться, когда части, из которых они состояли, перешли к другим людям, или, если эти части возвратятся к первым телам, тела последних будут неполными.

5. Но такие люди, мне кажется, во-первых, не разумеют могущества и премудрости Создателя и Распорядителя вселенной, Который приготовил для каждого животного пищу сродную и соответственную его естеству и роду, и не всякому веществу предоставил входить в соединение или смешение со всяким телом, и не затрудняется в отделении того, что соединилось, но позволяет естеству каждой твари делать или испытывать то, что ему свойственно, а иногда и препятствует, и все допускает или изменяет по Своей воле и сообразно с Своею целью. При этом надобно сказать, что они не обратили внимания на силу, и свойство каждого из существ, которые служат в пищу, тех, которые ими питаются. Иначе они знали бы, что не все, что принимает кто-нибудь, уступая внешней необходимости, обращается в сродную пищу животному, но иное тотчас по принятии окружающими желудок частями, портится и изблевывается, отделяется или иным образом извергается, так что не подвергается даже первоначальному и естественному пищеварению, а не только что не соединяется с питающимся существом. Равным образом, и не все, что сварилось и подверглось первоначальному изменению, вполне поступает в питающиеся части тела, ибо иное в самом чреве утрачивает питательную силу, а иное после вторичного изменения и переварения в печени отделяется и соединяется с чем-либо другим, не имеющим питательной силы. И после изменения совершающегося в печени, не все поступает в пищу людям, но отделяется в обыкновенных извержениях, и та пища, которая остается, иногда в самых питаемых членах и составах, превращается во что-нибудь другое, смотря по преобладанию избыточествующего и более обильного вещества, которое обыкновенно повреждает или в себя обращает то, что к нему привходит.

6. Итак, если животные весьма различны по своей природе и самая естественная пища изменяется сообразно с родом и телесным устройством каждого из них, и притом пища каждого животного подвергается тройному очищению и отделению: то непременно должно повреждаться и выходить, куда следует, или превращаться во что-нибудь другое-все чуждое питанию животного, как неспособное соединиться с ним, а естественная и соответствующая силам питаемого животного сила питающего вещества поступает в него надлежащими путями, и будучи совершенно очищена естественными очищениями, становится действительным приращением существа; эту именно только пищу всякий, истинно понимающий дело, назовет пищею, так как она отвергает все, что чуждо и вредно для состава питаемого животного и служит великим бременем при наполнении желудка и утолении голода. Такая-то пища — в этом никто не усомнится — соединяется с питаемым телом, смешивается и сродняется со всеми его частями и составами; а та, которая иного свойства и чужда природе, скоро портится, если встретится с сильнейшим веществом или легко портит другое, если само сильнее его, и

обращается в негодные соки и ядовитые качества, как не приносящая ничего сродного или соответственного питаемому телу. Лучшим доказательством этого служит то, что у многих животных от такого рода пищи происходит боль или опасное повреждение или смерть, когда они от сильного голода примут вместе с пищею что-либо ядовитое и противное их природе; это совершенно губительно для питающегося тела, потому что полезны для питания животных только сродные им и согласные с их природою вещества, а противное причиняет вред. Итак, если по различию природы животных различны виды свойственной им пищи и из нее не все, что примет животное, и не всякая часть ея вполне соединяется с питаемым телом, но только то, что очищено посредством всяческого пищеварения и вполне изменилось для соединения с известным телом и сделалось сообразным с питаемыми частями: то, очевидно, что ничто противное природе никогда не соединяется с ними, так как оно не составляет сродной и соответственной им пищи, но или самым желудком извергается в виде твердом и испорченном, прежде чем произведет какой-либо другой сок, или оставаясь в нем долее, производит страдание или болезнь трудно излечимую, которая повреждает естественную пищу или и самую плоть, нуждающуюся в пище. И хотя иногда оно бывает устранено при помощи каких-нибудь лекарств или лучшей пищи или естественных сил: но и тогда выходит с немалым вредом, так как не приносит ничего сродного с естеством тела, с которым оно не может соединиться.

7. Если бы даже кто допустил, что из таких веществ пища, — пусть останется за нею это название, как употребительнейшее, — хотя она и противна природе тела, однако, войдет в него, раздробится и изменится во что-нибудь влажное или сухое, в теплое или холодное, и тогда из такого предположения противникам не будет никакой пользы, ибо воскресшие тела составятся опять из своих собственных частей, а из упомянутых веществ ни одно не будет их частию, даже не будет иметь и вида или места части, и притом не останется навсегда в воспринявших его членах тела, и при воскресении их не воскреснет, так как для поддержания жизни тогда не будут нужны ни кровь, ни влага, ни желчь, ни воздух. Ибо в чем прежде нуждались тела, когда они питались, в том не будут нуждаться и тогда, потому что вместе с скудостью и тлением питавшихся тел уничтожится нужда и в питающих веществах. Посему, хотя бы кто и предположил, что изменение производимое этою пищею, простирается даже до плоти: и в таком случае не будет никакой необходимости, чтобы плоть, таким образом изменившаяся, соединившись с телом какого-нибудь другого человека, после опять входила, как часть, в полный состав его, потому что сама плоть не сохраняет навсегда принятого им вещества, да и то, что ею принято, не остается неизменно там, куда привзошло, но подвергается многообразным изменениям, причиняемым то печалью или заботами, то скорбями или трудами или болезнями, и переменами от жара или холода, между тем как жидкости, изменяющиеся вместе с плотию и жиром не принимают пищи для того, чтобы остаться тем, что они суть. Если же такие изменения испытывает плоть, то всякий поймет, что плоть, питаемая несродным ей, терпит еще больше перемен, то утучняясь и расширяясь от принятых ею веществ, то извергая их из себя каким-либо образом, и уменьшаясь от одной или от многих из сказанных выше причин; остается же в членах только то, что способствует их соединению, укреплению или согреванию, что избрано природою и соединяется с веществами, которыми восполняется естественная жизнь и истощание от житейских трудов. Таким образом, если обсудит как следует то, что мы теперь исследовали и даже допустит предположения, выставляемые противниками, то нельзя доказать истины того, что они утверждают, — чтобы тела человеческие когда-нибудь смешивались с другими, подобными им, по неведению ли кто, введенный в обман другим, вкусил такого тела, или сам по себе от голода или в припадке сумасшествия осквернил себя телом однородного с ним существа; хотя и нам не безызвестны звери, которые имеют человеческий вид, или имеющие природу людей и зверей, каких

обыкновенно представляют отважнейшие из поэтов.

8. А что сказать о телах человеческих, которые не назначены в пищу ни одному животному, и которым, по достоинству природы, определена могила только в земле, так как Творец не назначил и другое какое из животных в пищу животным того же вида, хотя предоставил он свойственную природе их пищу находить в животных разного с ними рода. Если противники могут доказать, что тела людей назначены в пищу людям: то ничто не препятствует признать, что людям есть друг друга естественно, как и другое что дозволенное природою, и пусть дерзающие говорить наслаждаются телами возлюбленных своих, и угощают ими своих приятелей, как самым приличным кушаньем. Но так как это нечестиво даже и говорить, и вкушение плоти человеческой людьми есть дело самое отвратительное и самое гнусное, и ужаснее всякого беззаконного и противоестественного ядения или действия, так как с другой стороны противоестественное никогда не может поступить в пищу нуждающимся в ней членам и составам, а непоступающее в пищу не может соединиться с тем, чего оно не питает: то и тела людей никогда не могут соединиться с подобными им телами, для которых эта пища противоестественна, хотя нередко проходит чрез их чрево по какому-нибудь ужасному несчастью; не имея питательной силы и рассеявшись по тем частям вселенной, от которых получили первоначальное свое происхождение, вещества соединяются с сими последними на время, на сколько каждому из них придется; потом же они опять отделяются от них премудростию и силою Того, Кто снабдил всякое животное свойственными ему силами — и соответственно природе соединяются каждое с своим, хотя бы были оне сожжены огнем, или сгнили в воде, хотя бы были поглощены зверями или другими животными, хотя бы иной член, отторгнутый от целого тела, разложился прежде прочих членов. Соединившись опять друг с другом, они займут прежнее место, чтобы составить то же тело, и дать новую жизнь тому, что умерло и совершенно разрушилось. Впрочем распространяться об этом более не, благовременно, потому что это признается всеми, по крайней мере теми, кто не полужвери.

9. Так много есть более полезного, что можно сказать о настоящем предмете исследования, то я не хочу теперь останавливаться на доводах тех, которые прибегают к делам человеческим и к производителям их людям и говорят, что последние не могут возобновить свои произведения, если они разобьются или обветшают от времени, или иным образом повредятся, которые потом из примера горшечников и ваятелей стараются доказать, что и Бог не желает; а если бы и желал, не может воскресить умершее и разрушившееся тело; эти люди не понимают, что чрез это они тягчайшим образом оскорбляют Бога, ставя на один уровень силы совершенно различных существ, или лучше, самые природы существ ими обладающих, и искусственное наравне с естественным. Останавливаться на них стыдно; безразсудно по истине опровергать мысли поверхностные и пустые. Гораздо приличнее и всего справедливее сказать, что невозможное у людей возможно у Бога ([Лк 18.27](#); [Мф 19.26](#)). Посредством этого весьма уместного соображения вместе со всеми вышеизложенными разум доказывает, что (воскресение тел) дело возможное, значит оно не невозможно для Бога. Но, кроме того, оно и негодно воле Его.

10. Неудобное Богу бывает неудобно Ему или как несправедливое или как недостойное. И опять, несправедливость можно усматривать или по отношению к самому смеющему воскреснуть, или по отношению к кому-нибудь другому вне его. Но, очевидно, что воскресение не делает несправедливости никому из посторонних существ, которые считаются в числе существующих. Ни духовные существа не будут обижены воскресением людей, — ибо воскресение людей не послужит никаким препятствием для их бытия, ни вредом, ни оскорблением, не будут обижены — ни бессловесные животные, ни бездушные твари; ибо эти и не будут существовать после воскресения; а в отношении к несуществующему нет места никакой несправедливости. Если же кто допустит, что и они будут всегда существовать, и тогда

они не получают обиды от возобновления тел человеческих. Ибо, если теперь будучи подчинены роду человеческому, служа нуждам людей, находясь под игом и в рабстве всякого рода, они не терпят от сего никакой несправедливости, тем более тогда, когда люди будут бессмертны, чужды недостатка и уже не станут нуждаться в употреблении их, они освобожденные от всякого рабства, не будут обижаться. Если бы даже они имели голос, то не стали бы обвинять Создателя, будто они несправедливо унижены пред людьми тем, что неудостоены одинакового с ними воскресения. Ибо существам, у которых природа неодинакова, Справедливый не может дать и конец одинаковый. Кроме того, у кого нет никакого понятия о справедливости, у тех не бывает и жалобы на несправедливость. Равным образом нельзя сказать и того, чтобы представлялась какая несправедливость по отношению к самому человеку воскрешаемому. Он состоит из души и тела; но тогда не будет сделана несправедливость ни по отношению к душе, ни по отношению к телу. Никто рассудительный не скажет, что будет обижена душа; иначе он вместе с тем отвергнет и настоящую жизнь. Ибо если ныне, обитая в теле тленном и подверженном страданию, она не терпит чрез это никакой несправедливости, тем более для нее не будет обиды, когда станет обитать в теле нетленном и чуждом страдания. И в отношении к телу не будет никакой несправедливости. Ибо если ныне оно тленное, существуя вместе с нетленным, не терпит обиды: то очевидно, само сделавшись нетленным и существуя вместе с нетленным, чрез это не будет обижено. Нельзя сказать и того, чтобы недостойным Бога делом было воскресить и составить разрушившееся тело. Ибо если не было недостойно Его создать тело худшее, т.е. тленное и подверженное страданию: тем более не недостойно Его создать лучшее, т.е. тело нетленное и чуждое страдания.

11. Таким образом, я доказал посредством основных истин и вытекающих из них следствий каждый пункт нашего исследования, и оказывается ясным, что воскресение разрушившихся тел есть дело и возможное и угодное и достойное Создателя. Чрез это же доказана и ложность противного мнения и неосновательность доводов людей неверующих. Нужно ли еще говорить о взаимном отношении одного пункта с другим и связи их между собою, если только уместно упоминать о связи того и другого, как будто они разделены какою-либо противоположностью? Не должно ли сказать, что то, что Бог может сделать, Ему и желательно; и угодное Богу непременно возможно и сообразно с достоинством желающего? Выше достаточно сказано о том, что иное — доказательства истины прямые, и иное — не прямые, какое между ними различие, и когда и по отношению к кому те ли другие бывают полезны. Но ничто не препятствует, для общей пользы и для связи прежде сказанного и тем, что далее буду говорить, начать речь опять с того же самого и с того, что близко к этому. Одному роду доказательств естественно надлежит занимать первое место, а другое должно сопутствовать первому, на подобие телохранителя, пролагать путь и отстранять все, что препятствует и противится. Ибо прямые доказательства истины, как необходимые всем людям для твердости в убеждении и спасения, занимают первое место и по природе своей. и по порядку, и по пользе: по природе своей, так как они доставляют познание о вещах; по порядку, так как они существуют в том и вместе с тем, что доказывают; а по пользе, так как способствуют твердости в убеждении и спасению тех, которые познают. А не прямые доказательства истины и по природе своей и по силе стоят ниже; ибо менее значит обличать ложь, нежели подтверждать истину, и по порядку оно занимает второе место; ибо имеет силу только по отношению к ложно мыслящим, а ложное мнение рождается от пришлого сеяния и извращения истины. Но хотя это действительно так, последние доказательства часто поставляются на первом месте и бывают иногда более полезны, так как служат к истреблению и предочищению обременяющего некоторых неверия и сомнения или ложного мнения тех, кто только что приступает к истине. Те и другие направляются к одной цели, — ибо к благочестию ведут и те доказательства, которые обличают ложь, и те,

которые подтверждают истину, — однако они не одно и то же: одни, как я сказал, необходимы для всех верующих и заботящихся об истине и собственном спасении; а другие бывают полезнее иногда, некоторым и по отношению к некоторым. Об этом сказал я кратко для напоминания о том, что уже было сказано. Теперь же нужно приступить к делу и доказать истинность учения о воскресении — как на основании той причины, по которой и для которой произошел первый человек и потомки его, — хотя они произошли неодинаковым образом, — так и на основании общей природы всех людей, как людей; ровно и на основании будущего суда, который произведет над ними Создатель за все время жизни каждого из них и за всякие действия, — в справедливости которого никто не станет сомневаться.

12. Доказательство на основании причины будет то, если мы рассмотрим, случайно ли и напрасно сотворен человек, или для чего-нибудь; если для чего-нибудь, то для того ли он сотворен, чтобы ему жить и оставаться в той природе, с какою он произошел, или для пользы кого-нибудь другого; если для пользы другого, то для пользы ли Самого Создателя, или кого-нибудь иного из близких к Нему и удостоившихся большего попечения. Рассматривая это более общим образом, мы находим, что всякий благоразумный и приступающий к какому-нибудь действию по основательному обсуждению, не делает напрасно ничего, если действует с намерением, но или для собственной пользы или для пользы кого-нибудь другого, о ком он заботится, или для самого дела, к произведению коего он побуждается некоторым естественным влечением и склонностью. Например — употребим сравнение, чтобы пояснить нашу мысль, — человек строит дом для собственной пользы, делает для быков и верблюдов или для других животных, в которых он нуждается, приличную каждому из них кровлю, не для собственной пользы, если судить по видимости, хотя относительно последней цели она именно имеется в виду, но ближайшим образом для пользы тех, о которых заботится; рождает детей не для собственной пользы и не для кого-нибудь другого из близких к себе, но для того, чтобы рожденные им существовали и жили, сколько возможно, преемством детей и потомков утешаясь в своей кончине и думая таким образом обессмертить смертное. Так бывает у людей. **И Бог, конечно, сотворил человека не напрасно, — ибо Он премудр, а никакое дело премудрости не бывает напрасно, — и не для собственной пользы; ибо Он ни в чем не нуждается Тому, Кто совершенно ни в чем не нуждается, ничто из созданного Им не может служить к собственной Его пользе.** Также и не для кого-нибудь из созданных Им творений Он сотворил человека. Ибо никто из одаренных разумом и суждением не сотворен и не творится для пользы другого большего или меньшего существа, но для собственной их жизни и пребывания. И разум не находит какой-нибудь пользы, которая была бы причиною сотворения людей, ни для бессмертных существ, которые не имеют ни в чем недостатка и отнюдь не нуждаются для своего бытия ни в каком содействии от людей, — ни для бессловесных животных, которые по природе своей подвластны людям и исполняют для них службы, какия каждой из них свойственны, а не созданы для того, чтобы пользоваться людьми, ибо несправедливо употреблять начальствующее и управляющее на служение низшим, или разумное подчинять неразумным, которые неспособны к начальствованию. Итак, если человек сотворен не без причины и напрасно, — ибо ничто из сотворенного Богом не напрасно, в отношении к намерению Создателя, — и не для пользы Самого Создателя или кого-нибудь другого из творений Божиих; то очевидно, что если смотреть на первую и общую причину всех вещей, Бог сотворил человека ради Себя Самого, ради благодати и премудрости, созерцаемой во всех созданиях, а если рассматривать причину ближайшую к сотворенным людям, — для жизни самих сотворенных, и притом для жизни, которая не на краткое время возжигается, а потом совершенно угасает. Таковую жизнь, по моему мнению, Бог уделил животным пресмыкающимся, летающим и плавающим или, вообще сказать, всем бессловесным; а тем, которые носят в себе

образ Самого Творца, владеют умом и одарены разумным смыслом, Творец определил вечное существование, чтоб они, познавая своего Творца и Его силу и премудрость, и следуя закону и правде, безболезненно пребывали во веки с тем, с чем проводили предшествующую жизнь, находясь в тленных и земных телах. Те существа, которые сотворены для кого-нибудь другого, по справедливости перестают существовать, когда прекращают свое бытие те, для которых они сотворены, и не будут по напрасну существовать, так как в творениях Божиих напрасное не имеет места. Но те существа, которые сотворены для самого бытия своего и жизни, так как причина бытия соединена с самою их природою и усматривается только в самом их бытии, никогда не могут подтвергнуться ни от какой причины совершенному уничтожению их бытия. Если причина их бытия всегда усматривается в самом их бытии: то всегда должно сохраняться созданное таким образом живое существо, делая и испытывая то, что ему свойственно, причем та и другая часть, из которых оно состоит, проявляется свойственным себе образом: именно душа существует и пребывает с тою природою своею, с какой она сотворена, и совершает свойственное себе, — а ей свойственно управлять телесными стремлениями и все что происходит, всегда определять и измерять надлежащими признаками и мерами, — а тело стремится по природе своей к тому, что ему свойственно, и принимает назначенные ему изменения, а после всех прочих, относящихся к возрастам, к виду, к величине, — и самое воскресение. Ибо воскресение есть некоторый вид изменения и притом самый последний из всех; это — изменение того, что еще останется в то время, на лучшее.

13. Уверенные в этом не меньше, как и в том, что уже совершилось, и рассматривая свою природу, мы любим и эту жизнь при всей ее скудости и тленности, как сообразную с настоящим состоянием нашим, и твердо надеемся на жизнь в нетлении, которую не по человеческим выдумкам воображаем, обольщая себя ложными ожиданиями; мы веруем неложному ручательству, — намерению Сотворившего нас, с каким Он создал человека из бессмертной души и тела, даровал ему ум и врожденный закон для соблюдения и сохранения того, что дано от Него и что потребно для разумной жизни; мы хорошо знаем, что Он и не создал бы такое живое существо и не украсил бы его всем для всегдашней жизни, если бы не хотел, чтобы эта тварь всегда пребывала. Итак, если Творец всего создал человека для того, чтобы он был причастником разумной жизни, и чтоб он сделавшись созерцателем Его величия и сияющей во всем мудрости, всегда пребывал в таком созерцании, согласно с намерением Его и с природою, какую получил человек: то причина сего создания удостоверяет в непрерывности его существования а непрерывность — в воскресении, без которого человек не существовал бы всегда. Из сказанного очевидно, как причиною создания человека и намерением Творца ясно доказывается воскресение. Если же такова причина, по которой человек введен в мир, то необходимо рассмотреть и то, что естественно или по порядку следует за этим. А по порядку исследования после причины сотворения следует природа сотворенных людей; за природою же сотворенных — праведный суд об них Творца и после всего этого — последняя цель их. Итак, исследовавши самое первое, нужно затем рассмотреть природу человеческую.

14. Доказательство истины учения или каких-либо предметов, подлежащих исследованию, сообщает неложную достоверность положениям тогда, когда заимствуется неоткуда-нибудь извне и не из того, что кажется или казалось некоторым, но-из общего всем и природного смысла, или из связи производных истин с основными. Ибо дело идет или об основных истинах, и тогда нужно только указание на природный смысл, или о таких, которые естественно вытекают из первых, и об их естественной связи с ними; тогда нужно соблюдать в них порядок и показать, что действительно вытекает из основных или прежде доказанных истин, дабы не была пренебрежена истина и ее правильное доказывание, не было смешано или разорвано в своей естественной связи то, что по природе находится в порядке и разграничено. Поэтому, мне

кажется, те, которые добросовестно занимаются настоящим предметом и хотят здраво судить, есть ли воскресение человеческих тел, или нет, — наперед должны внимательно рассмотреть силу каждого из идущих сюда доказательств, и какое каждое из них должно занять место, что между ними первое, что — второе, что — третье, и что — последнее из них. Располагая же их, на первом месте должно поставить — причину сотворения людей, т.е. намерение Творца, с каким Он сотворил человека; к ней потом естественно присоединить природу сотворенных людей, — не потому, чтобы она была второстепенным доказательством, но потому, что невозможно зараз судить о том и другом, хотя они весьма близки между собою и представляют одинакову силу в отношении к предмету. Когда этими доводами, как первыми, которые заимствуются от творческой деятельности Божией, несомненно будет доказано воскресение: тогда можно достоверность его подтверждать и доводами из Промысла Божия; я говорю о следующей каждому человеку награде или наказании, по праведному суду, и о предлежащей цели человеческой жизни. **Многие, рассуждая о воскресении, только третьему доказательству придают всю силу, думая, что причина воекресения — суд. Ошибочность этого ясно открывается из того, что все умершие люди воскреснут, но не все воскресшие будут судимы. Ибо если бы один только праведный суд был причиною воскресения: то следовало бы, что ни сделавшие ничего худого, ни доброго не воскреснуть, напр., самые малые младенцы. А между тем воскресение назначено как всем прочим, так и умершим в первом возрасте; и последние служат доказательством, что воскресение будет не ради суда, как первой причины, но по намерению Творца и по природе сотворенных существ.**

15. Хотя достаточно и одной причины, усматриваемой в сотворении людей, для доказательства того, что воскресение, по естественному порядку, следует за разрушением тел; но справедливо — не опускать ни одного из предположенных доводов, но согласно с тем, что сказано, показать для тех, которые сами не могут усмотреть, силу, каждого из них, и прежде всего показать, какое значение имеет природа сотворенных людей, которая приводит к тому же убеждению и равно утверждает веру в воскресение. Если вообще природа человеческая состоит из бессмертной души и из тела, которое соединено с нею при сотворении; если ни природе души самой по себе, ни природе тела отдельно не даровал Бог самостоятельного бытия и жизни, но только людям состоящим из души и тела, чтобы, с теми же частями, из которых они состоят, когда рождаются и живут, по окончании сей жизни они достигали одного общего конца: то душа и тело в человеке составляют одно живое существо, которое испытывает и свойственное душе и свойственное телу, действует и исполняет то, что относится к чувственному или умственному постижению; и потому совершенно необходимо, чтобы такой состав всецело направлялся к одному концу, — дабы все и во всех отношениях сходилось к одной гармонии и к общему согласию, — сотворение человека, природа человеческая, жизнь человеческая, действия и страдания, образ жизни, и сообразная с природою последняя судьба. Если же есть единство и гармония во всем этом живом существе, если есть согласие между действиями души и отправлениями тела, то должна быть одинакова и последняя цель всего этого. Одна же действительно будет последняя цель, если живое существо, назначенное к известному концу, будет находиться в том же своем составе. Оно будет совершенно тем же живым существом, когда будет иметь те же все части, из которых состоит это живое существо. А части эти тогда только явятся в свойственном им соединении, когда те из них, которые разрушились, опять соединятся в состав живого существа. Образование же состава тех же людей по необходимости ведет к воскресению тел, умерших и разрушившихся; ибо без него те же части не соединились бы между собою по природе, и не восставилось бы естество тех же людей. Если ум и рассудок даны людям для уразумения умопостигаемых предметов, не только существей сотворенных, но и благодати, премудрости и правды Того, Кто даровал их: то необходимо, чтобы, если

продолжают существовать те предметы, для которых дан разсудок, пребывала и самая дарованная на сие способность суждения. А она не может пребывать, если не существует та природа, которая одарена ею, и в которой она находится. **Существо же, получившее ум и рассудок, есть человек, а — не душа сама по себе; следовательно, человеку должно оставаться всегда и состоять из души и тела; а таким пребывать ему невозможно, если не воскреснет. Ибо если нет воскресения, то не останется природа человеков, как человеков.** Если же человеческая природа не остается существовать, то напрасно душа связана с немощами тела и его состояниями, напрасно и тело удерживается от достижения того, к чему стремится, будучи направлено и сдерживаемо уздой души; напрасно, существует ум, напрасна рассудительность и соблюдение правды или упражнение во всякой добродетели, напрасны законодательство и уставы, и вообще сказать, все то, что есть прекрасного в людях и для людей, или лучше напрасно самое сотворение людей и их природа. Если же решительно во всех делах Божиих и исходящих от Него дарах нет ничего напрасного, то совершенно необходимо, чтобы бессмертной душе соответствовало вечное пребывание и тела, сообразно с его природою.

16. Пусть не удивляются, что жизнь, прекращаемую смертью и тлением, мы называем пребыванием — имея в виду, что не один смысл этого выражения, и не одна мера пребывания, так как не одна и природа пребывающих существ. Ибо каждое из пребывающих имеет пребывание сообразное с своею собственною природою, и никто не должен искать такого же пребывания у существ совершенно нетленных и бессмертных, так как существа совершеннейшие не равняются с низшими; и у людей нельзя искать такого неизменного пребывания. Те сотворены бессмертными от начала и нескончаемо пребывают по единой воле Творца; **а люди по душе имеют от сотворения непрерывное существование, но по телу получают нетление после изменения.** Таков смысл учения о воскресении. Имея его в виду, мы ожидаем и разрушения тела, следующего за жизнью немощной и тленной, и после него уповаем иметь пребывание в нетлении: таким образом мы не равняем нашу смерть со смертию животных, и пребывание людей с пребыванием бессмертных, чтобы чрез это нам не поставить неразумно природу и жизнь людей в один уровень с существами, совершенно различными. Итак, не должно сокрушаться, если усматривается некоторое неравенство в пребывании² людей, и ради того, что отделение души от частей тела и разложение частей разрывает непрерывность жизни, — не должно отвергать воскресения. Ибо с ослаблением чувств и физических сил, которое естественно бывает во время сна, повидимому, также прерывается жизнь, состоящая в сознательном ощущении, так как люди засыпают на известный промежуток времени, и как бы снова возвращают к жизни, — и однакож мы не отказываемся называть такое состояние жизнью. По этой причине, я думаю, некоторые называют сон — братом смерти, не потому, чтобы производили их от одних и тех же предков или отцов, но — по одинаковости состояния умерших и спящих, по спокойствию и нечувствительности ко всему, что существует и происходит, и даже к бытию собственной жизни. Итак, если мы жизнь людей, несмотря на то, что она подвержена таким изменениям от начала до разрушения, и терпит перерывы от всех выше — сказанных обстоятельств, не отказываемся, однако, называть тою же жизнью: то мы не должны отвергать и жизни, следующей после разрушения, которая приведет воскресение, — хотя она прерывается на некоторое время чрез разлучение души от тела.

17. Ибо такова природа людей; из начала и по мысли Творца она получила в удел — подвергаться изменениям и имеет жизнь и пребывание неодинаковое, но прерываемое то сном, то смертью, то переменами в каждом возрасте, так как последующий возраст не обнаруживается ясно в предыдущем. Кто поверил бы, ели бы не был научен опытом, что в безразличном и бесформенном семени заключено столь много и столь великих сил, такое разнообразие частей, возникающих и слагающихся в нем, как-то: костей, нервов, хрящей, кроме того, мускулов,

плоти, внутренностей и прочих составов тела? Ни во влажных семенах ничего этого не видно, ни у младенцев не замечается того, что обнаруживается у юношей, ни в возрасте юношеском того, что свойственно мужам зрелым, ни у сих последних того, что бывает у стариков. Хотя из помянутых возрастов некоторые вовсе не обнаруживают, а некоторые не ясно представляют естественную свою последовательность и перемены, происходящие в человеческой природе: однако, те, которые не слепотствуют злонамеренно или по беспечности в исследовании дела, знают, что прежде всего должны быть брошены семена, что когда после образования из отдельных частей и членов плод явится на свет, наступает развитие первого возраста, после этого развития следует зрелость, после зрелости — упадок естественных сил — до старости, а потом разрушение одряхлевших тел. И так, если здесь, хотя ни семя не представляет ясно начертанной жизни человеческой или ее вида, ни жизнь не обнаруживает последующего разрушения на первоначальные стихии, однако, порядок естественных явлений внушает веру в то, что еще не удостоверено самыми явлениями: тем более разум, исследуя истину в естественном порядке, удостоверяет в воскресении, имея надежнейшие и более сильные, чем опыт, основания к подтверждению истины.

18. Предложенные нами выше доказательства, подтверждающие воскресение, все одного рода, так как происходят из одного начала, — а это начало у них — происхождение первых людей чрез сотворение; но одни из них утверждаются на самом первом начале, из которого произошли, а другие, вытекающие из природы и жизни людей, заимствуют свою достоверность от промышления Божия об нас. Ибо причина, по которой и для которой сотворены люди, находясь в тесной связи с природою человеческою, получает свою силу из сотворения; доказательство же заимствуемое из правосудия, по которому Бог судит благочестиво и нечестиво живших людей, получает силу из назначения их; и хотя суд и назначение людей происходят оттуда — от сотворения, но более утверждаются на промышлении. Раскрыв сколько можно первые доводы, хорошо доказать рассматриваемую нами истину и посредством последних: я говорю о предстоящей каждому человеку награде или наказании по праведному суду, и о цели человеческой жизни. И из этого нужно наперед поставить то, что естественно предшествует, и прежде рассмотреть мысль о суде. Здесь присовокуплю только, по заботливости о надлежащей основательности и порядке в изложении одно: что именно те, **которые признают Бога творцом всего, если хотят быть верными своим началам, необходимо должны допустить, что все сотворенное находится под сохранением и промышлением премудрости и правды Его, и рассуждая таким образом должны признать, что ничто ни на земле, ни на небе не изъято из управления и провидения Божия, но что попечение Творца простирается на все сокровенное и явное, малое и великое. Ибо все сотворенное имеет нужду в промышлении Творца, и каждое существо в частности, относительно своей природы и назначения, для которого оно создано.** Я считаю делом пустого тщеславия входить теперь в подробности о том, что свойственно природе каждой вещи; но человек, о котором предлежит теперь говорить, как слабый, имеет нужду в пище; как смертный, — в потомстве, как разумный — в правосудии. Если же каждая из этих потребностей свойственна человеку по его природе, и он нуждается в пище для поддержания жизни, нуждается в потомстве для продолжения рода, нуждается в правосудии для законного приобретения пищи и потомства: то необходимо, чтобы, как пища и преемство рода относятся к обеим частям его существа, так и правосудие простиралось на обе же части, — то есть на всего человека состоящего из души и тела, — и чтобы весь человек подлежал суду за все свои дела, и получал за них награду или наказание. Если праведный суд полагает возмездие за действия обеим частям, и не одна душа должна получить возмездие за то, что сделано ею вместе с телом, — ибо она не сама по себе увлекается к грехам

относительно телесных удовольствий, пищи или других чувственных благ, — и ни одно только тело, — ибо оно само по себе не способно рассуждать о законе и правосудии: — но человек, состоящий из того и другого подлежит суду за каждое из своих действий; между тем разум не находит этого воздаяния ни в настоящей жизни, — ибо в настоящей жизни нет его по достоинству, так как многие безбожники, преданные всякому беззаконию и нечестию, не испытывают несчастий до самой смерти, и напротив, те, которые жизнь свою провождают во всякой добродетели, подвергаются скорбям, обидам, клеветам, мучениям и всяким бедствиям, — ни после смерти, — ибо человек не состоит еще из обеих частей, пока душа отделилась от тела, а тело разложилось на то, из чего оно было составлено. и не сохраняет ничего из прежней своей природы или вида, ни даже памяти о соделанном: — то следствие очевидно для всякого; именно что надлежит по апостолу, «тленному сему» и рассыпавшемуся «облещись в нетление», дабы, когда умершие оживут чрез воскресение, и опять соединится разделившееся или совершенно разрушившееся, каждый получил должное, за то, «что с телом соделал, благое или злое» ([1Кор 15.53](#); [2Кор 5.10](#)).

19. Итак, тем, которые признают Промысл и принимают с нами одни и те же начала, но потом, не знаю каким образом, отступают от собственных положений, тем пусть всякий предлагает эти рассуждения, и даже больше этих, если захочет пространнее изложить то, что сказано много сокращенно и мимоходом. А тем, которые расходятся в самых основаниях, полезно было бы предложить другое начало, показывая вместе с ними сомнение в том, чтб они исследуют, и вместе с ними рассуждая таким образом: совершенно ли навсегда оставлена без внимания жизнь и все поведение людей и распростерт на земле какой-то глубокий мрак, покрывающий неведением и забвением самих людей и дела их, или гораздо безопаснее думать, что Творец управляет Своими творениями, надзирает над всем существующим и совершающимся, и есть судия дел и намерений? Если бы никогда не было никакого суда над человеческими деяниями, то люди не имели бы никакого преимущества перед животными, или даже были бы еще несчастнее их, так как они борются со страстями и заботятся о благочестии и правде и о прочих добродетелях; а жизнь скотская была бы самою лучшею, добродетель — нелепостью, угроза суда — крайне смешною, наслаждение всякими удовольствиями — величайшим благом; и общим для всего учением и одним законом было бы любимое у невоздержных и сладострастных правило: «будем есть и пить, ибо утром умрем» ([Ис 22.13](#); [1Кор 15.32](#)). Конец такой жизни не удовольствие, как думают некоторые, а совершенное бесчувствие. Если же Творец людей имеет какое-нибудь попечение о своих творениях, и соблюдает различие между доброю и худою жизнью, то это последует или в настоящей жизни, когда еще живут люди добродетельные или злые, или после смерти, когда они подвергнутся разделению и разрушению. Но ни в том, ни в другом случае не может быть соблюден праведный суд. Ибо в настоящей жизни ни добрые не получают должного за добродетели, ни злые — за свое нечестие. Я уже не говорю о том, что, пока пребывает наша природа в том виде, в каком мы теперь существуем, эта смертная природа не может понести наказания, которое равнялось бы весьма многим и весьма тяжким преступлениям. Так, разбойник, правитель или тиран, умертвивший несправедливо бесчисленное множество людей, одною смертью своею не мог бы заплатить за них правосудию. Так, нечестивец, который не имел ни одного истинного представления о Боге, предавался всякому глумлению и злохулению, презирал божественное, попираал законы, растлевал детей и женщин, несправедливо разорял города, сожигал дома вместе с живущими в них, опустошал области, истреблял множество людей, или даже целый народ: каким образом он в тленном теле получил бы наказание, соразмерное с этими злодеяниями, если смерть предвосхищает его от заслуженного наказания, и смертное естество его недостаточно для возмездия даже за какое-нибудь одно из преступлений его? Итак, ни в

настоящей жизни не видно праведного суда, ни после смерти.

20. Смерть есть или совершенное прекращение жизни, так что душа вместе с телом разрушается и истлевает, или **душа пребывает одна, неразложимая, неразрушимая, негибнущая, а разрушается только тело, не сохраняя никакого воспоминания о содеянном, и никакого ощущения того, что оно испытало по влиянию души.** Ибо если совершенно угасает жизнь людей, тогда нет никакого попечения о людях уже неживущих, никакого суда над теми, которые жили добродетельно или нечестиво; а в таком случае привзойдут все злодеяния незаконной жизни, и множество гнусностей, связанных с такою жизнью, и главное из этих беззаконий, — безбожие. Если же подвергается тлению одно тело, и каждая из разрушившихся частей его переходит к сродным стихиям, а душа, как нетленная, остается сама по себе, то и тогда суд над нею не будет иметь места, так как нет здесь правосудия. Но нелепо предполагать, будто от Бога или у Бога бывает какой-нибудь суд, в котором нет правды: а правды не бывает в суде, когда недостает того, кто совершил праведное или неправедное. Совершил же в жизни то, о чем производится суд, человек, а не одна душа. Кратко сказать, такой суд не соблюл бы ни в чем справедливости.

21. Если будут награждены добрые дела, то, очевидно, будет оказана несправедливость в отношении к телу, которое участвовало с душою в трудах при совершении добра, и не участвует в награде за добрые дела; и тогда как душа часто получает прощение некоторых согрешений ради немощи и нужд тела, само тело будет лишено награды за участие в добрых делах, в которых во время жизни и оно несло труды вместе с душою. И когда будут судимы согрешения, не соблюдется правосудие в отношении к душе, если она одна подвергнется наказанию за те грехи, которые она совершила подвигнутая телом и увлеченная его стремлениями или движениями, иногда внезапно и как бы воровски, иногда с некоторым насилием, иногда под благовидным предлогом попечения о сохранении тела. Или какая была бы справедливость, — подвергать суду одну душу за то, к чему она по своей природе не имеет ни вождения, ни влечения или стремления, например, за роскошь, или насилие, или жадность, или несправедливость, и происходящие от них пороки? Если большая часть таких злодеяний бывает от того, что люди не сдерживают волнуящие их страсти, а страсти возникают от требования и нужд тела, от попечения о нем и угождения ему, — ибо ради этого всякое стяжание и наслаждение, так же супружество и все житейские дела, между которыми и из-за — которых одно считается предосудительным, а другое нет: — то где правосудие, если одна душа подвергнется суду зато, к чему тело первое чувствует стремление и увлекает душу к сочувствию и к общению в действиях для того, что ему потребно? Если сильные влечения и сладострастные похоти, равно как страхи и печали, в которых всякая неумеренность подлежит осуждению, получают свое движение от тела, а за происходящие от них грехи и наказания за них падут на одну душу, которая ни в чем таком не нуждается, не похотствует, не страшится, и сама по себе не испытывает ничего такого, что обыкновенно испытывает человек? Если даже положим, что страсти принадлежат не одному телу, а и душе человека, что и справедливо, так как единая жизнь его слагается из обоих: однако, не можем сказать, чтобы они принадлежали одной душе, если отдельно рассматриваем ее собственную природу. Ибо если она совершенно не нуждается ни в какой пище, то она никогда не может стремиться к тому, в чем она не имеет нужды для своего бытия, не может домогаться чего-нибудь такого, чем она вовсе не может пользоваться; она никогда не будет скорбеть о недостатке денет или стяжаний, как совершенно бесполезных для нее. Если она выше тления, то не страшится ничего того, что могло бы причинить ей смерть; не страшится ни голода, ни болезни, ни отсечения членов, ни увечья, ни огня, ни железа, потому что она не может потерпеть от сего никакого вреда или болезни, так как ее совершенно не касаются ни тела, ни силы телесные. Если же страстные движения присвоят собственно душам

— нелепо, то преступления, происходящие от них, и наказания за них возлагать на одни души — чрезвычайно несправедливо и недостойно суда Божия.

22. Кроме того, не нелепо ли — добродетель и порок считать даже немислимыми в одной душе, отдельно от тела, ибо добродетели мы признаем добродетелями человека, равно как и противоположные им пороки, а не относим к душе, отделенной от тела, самой по себе существующей, — награду же или наказание за них относить к одной душе? Каким образом представить себе мужество и твердость в одной только душе, когда она не боится ни смерти, ни ран, ни отсечений членов, ни ущерба, ни ударов, ни происходящих от них страданий, или несчастий? Каким образом представить в ней воздержание и целомудрие, когда она не влечется никаким желанием к пище, или совокуплению, или другим удовольствиям и наслаждениям, когда ничто другое ни изнутри не возбуждает ее, ни извне не подстрекает? Как представить в ней благоразумие, когда ей не подлежит, над чем бы ей действовать или не действовать, что избирать и чего убегать, или лучше, когда в ней нет никакого движения, или естественного стремления к какой-либо внешней деятельности? Каким образом душам может быть свойственна справедливость в отношении друг к другу или к чемунибудь-другому однородному или разнородному, когда они не имеют, почему бы, чем бы и как бы воздать по заслугам или по закону равномерности за исключением почтения к Богу, когда они не имеют стремления, или побуждения к пользованию своим или к воздержанию от чужого: когда пользование тем, что сообразно с природою или воздержание от сего свойственно тем, которые так рождены, чтобы могли пользоваться; а душа ни в чем не имеет нужды, и не так устроена, чтобы пользоваться тем или другим, и поэтому в ней так устроенной не может оказаться своекорыстия.

23. И нелепее всего то, что установленные законы относят к людям, а возмездие за законные и незаконные деяния обращают на одни души. Ибо если по справедливости следует принять наказание за преступление тому, кто принял законы, законы же принял человек, а не душа сама по себе, то и наказание за проступки должен понести человек, а не одна душа. Бог не душам заповедал воздерживаться от того, что нисколько не свойственно им, например прелюбодеяния, убийства, воровства, хищения, поношения родителей, и вообще всякого пожелания, причиняющего ближнему обиду и вред. Ибо заповедь: «чти отца твоего и мать» ([Исх 20.12](#); [Лк 18.20](#)) не к душам только относится, так как эти названия не свойственны им, потому что не души рожают душ, так чтобы им присвоилось название отца или матери, а люди людей. Так же и эту заповедь: «не прелюбы сотвори» ([Исх 20.13](#)), не сообразно было бы обратиться к душам, когда между ними не существует различие мужского пола и женского, и в них нет ни способности, ни стремления к совокуплению. Когда нет этого стремления, не может быть совокупления; а у кого совершенно нет совокупления, у тех нет и законного совокупления, т.е. брака; когда же не существует законное совокупление, то не может иметь место и незаконное совокупление, и вождление или совокупление с чужою женою, т.е. — прелюбодеяние. И запрещение похищать или желать большего не относится к душам; ибо им нет нужды в том, в чем нуждающиеся, вследствие естественного недостатка или потребности, обыкновенно похищают или отнимают силу, например, золото или серебро, или животное, или что-нибудь другое, относящееся к пище или одежде или житейскому употреблению. Для природы бессмертной бесполезно все, что для нуждающихся составляет предмет стремления, как полезное. Впрочем, подробнейшее исследование об этом пусть будет представлено тем, которые желают тщательнее исследовать каждый предмет, или имеют большую охоту состязаться с противниками. А нам достаточно того, что теперь сказано и что согласно с этим подтверждает истину воскресения, и было бы неблагоприятно дольше останавливаться на том же, ибо мы поставили целью не то, чтобы ничего не опустить, что можно сказать, но чтобы кратко показать всем собравшимся³, как должно рассуждать о воскресении, и доказательства, на

которых утверждается это учение, сообразовать с способностями присутствующих.

24. После выше предложенного исследования остается рассмотреть доказательство, заимствуемое из цели человека: оно уже ясно из того, что сказано, но следует его рассмотреть и дополнить на столько, на сколько нужно для того, чтобы не показалось, что мы оставили без внимания то, о чем сказали только кратко, и отступили от предмета, или сделанного в начале разделения. По этой причине и ради тех, которые очень занимаются сим предметом, достаточно указать только на то, что и для произведений природы и для произведений искусства должна быть свойственная каждому цель: в этом убеждает нас всеобщий смысл и свидетельство наглядного опыта. Разве мы не видим, что иную цель имеют в виду земледельцы, иную врачи, и еще, что иное назначение того, что родится из земли, и иное животных, которые питаются от нее и рождаются по некоторому естественному преемству? Если же это несомненно, и силы, как естественные, так и искусственные, а также их произведения, должны иметь свойственное им назначение, то совершенно необходимо, чтобы назначение людей, как особенных по своей природе существ, не имело ничего общего с другими. Ибо несправедливо назначать одну и ту же цель и для тех, которые не имеют разумного суждения, и для тех, которые действуют по врожденному закону и разуму, и способны к жизни разумной и к справедливости. Таким образом, беспечальность не может быть собственно их целию, — ибо это было бы у них обще с существами, лишенными всякого чувства; — не может также и наслаждение тем, что питает и услаждает тело, и обилие удовольствий, — ибо тогда необходимо имела бы преимущество жизнь скотская, а жизнь добродетельная была бы бесцельна, — это я считаю собственно назначением зверей и скотов, а не людей одаренных бессмертною душою и разумным суждением.

25. Равным образом не может быть назначением человека блаженство души, отделенной от тела. Ибо мы рассматриваем жизнь, или назначение не одной какой-либо из частей, из которых состоит человек, но человека, состоящего из обеих. Таков именно всякий человек, получивший эту жизнь, и должна же быть собственная цель его жизни. Если же цель относится к обеим частям, а между тем она, по причинам неоднократно высказанным выше, не может быть указана для живущих людей ни в этой жизни, ни по отделении души от тела, потому что **человек не есть уже человек, когда тело разрушилось или совершенно уничтожилось, хотя бы душа и продолжала существовать сама по себе, то совершенно необходимо, чтобы назначение людей находилось в каком-либо ином состоянии этого двучастного живого существа.** А если это необходимо следует, то непременно должно быть воскресение тел, умерших и совершенно разрушившихся, и вторичное существование тех же людей; ибо естественный закон определяет цель ни для человека вообще и ни кое-кого из людей, но для тех самых, которые провели эту жизнь, а они не могут опять существовать, как те же люди, если те же самые тела не будут возвращены тем же самым душам. Но чтобы тоже самое тело приняло ту же самую душу, это не иначе возможно, как только чрез воскресение. Когда это совершится, тогда достигнется цель, сообразная с природою людей. Никто не согрешил бы, если б сказал, что цель сознательной жизни и разумного суждения — в постоянном и непрерывном занятии тем, к чему больше и прежде всего приспособлен естественный разум — в созерцании Сущего и непрестанном услаждении Его заповедями, хотя многие из людей, слишком пристрастно и сильно предавшиеся земному, не достигают этой цели. Не изменяет общего жребия множество таких, которые уклоняются от предназначенной им цели: каждый подвергнется суду и каждому будет соразмерена награда или наказание за добрую или худую жизнь.

Гарпаг по неведению съел члены сына своего, предложенные Астиагом. Геродот I. 119.

Т.е. с пребыванием чистых духов, ангелов.

Т.е. ученикам или друзьям, в присутствии которых Афинагор читал свой трактат.